КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

**С.И. Кочкуркина. АРХЕОЛОГИЯ СРЕДНЕВЕКОВОЙ КАРЕЛИИ.
Петрозаводск: Карельский научный центр РАН, 2017.
ISBN 978-5-9274-0791-0. 280 с., 2 табл., 111 илл.**

Монография известного исследователя финно-угорских древностей С.И. Кочкуркиной “Археология средневековой Карелии” подводит итог многолетним исследованиям автора в области археологии, культуры и истории народов Карелии в эпоху средневековья и их разносторонним отношениям со славянским (древнерусским) миром. В книге обобщены обширные материалы различных областей науки, касающиеся формирования карельского народа как единой этнокультурной общности.

В настоящее время, как отмечает С.И. Кочкуркина, известно два пласта средневековых древностей, относящихся к народам Карелии и их соседям: ранний, который датируется VI–IX вв., и более поздний – X–XV вв. Именно в период средневековья складывается Древнерусское государство с Новгородом как его северным центром, и именно тогда на страницах русской летописи появляются упоминания о прибалтийско-финских этнических группах, проживающих на севере и северо-западе Новгородской земли. Среди них названа и *корела*.

Отметим неординарное Введение к книге, в котором высказаны общетеоретические взгляды автора на определение понятия “этнос”. С.И. Кочкуркина обобщает мнения различных исследователей по данному вопросу, суммируя признаки, выделенные в разных отраслях знаний современной науки для характеристики конкретных групп людей как этнических единиц, отличных от соседей. Автор приходит к выводу, что “не все явления, в том числе и этнос, этничность, подлежат теоретическому точному определению” (с. 9). Однако ее как археолога волнует в первую очередь вопрос, как этнические границы соотносятся с особенностями материальной культуры. По мнению С.И. Кочкуркиной, именно археология позволяет выделить четкие объединения по материальной культуре и “назвать это этнической группой”, хотя “реальный тип социальных уз и характер субъективных чувств, которые такое объединение отражают, остается неизвестным” (с. 9). Поскольку археологические материалы ограничены своим достаточно узким кругом источников, то для окончательных заключений, как отмечает автор, необходимо привлекать выводы смежных гуманитарных и естественнонаучных дисциплин.

По мнению С.И. Кочкуркиной, “основой исследования являются прежде всего типология и классификация всех видов археологического материала

(формальный анализ), в результате которых определяются датировка, общие и частные специфические черты круга памятников (содержательный анализ). Иными словами, типично археологическими методами попытаться выделить адаптационные элементы, элементы, приобретенные в процессе торгово-культурных контактов, и собственные традиционные особенности на конкретном историко-культурном фоне” (с. 13). Изложенный во Введении принцип был положен в основу рецензируемой работы.

В книге широко привлекается пласт финно-язычной литературы, подробно анализируется вклад финских ученых в изучение различных сторон культуры карельского народа. Поскольку, в отличие от многих европейских языков, литература на финском языке в силу его сложности мало доступна широкому кругу российских исследователей, книга С.И. Кочкуркиной приобретает особое значение, так как позволяет ознакомиться с мнениями и последними разработками финских коллег.

В монографии всесторонне анализируется этнокультурная ситуация в трех выделяемых основных регионах Карелии (Северо-Западное Приладожье – территория летописной корелы; Юго-Восточное Приладожье и Онежско-Ладожский водораздел – ареал приладожской курганной культуры; бассейн Онежского озера и Белого моря – регион промыслового освоения).

В каждом разделе работы подробно на уровне современных знаний рассматриваются вопросы истории изучения районов, с внимательным анализом вклада отдельных ученых; исходя из реальных возможностей характеризуются все имеющиеся виды источников, включая данные смежных дисциплин (антропологии, лингвистики, топонимики и др.), дополняющие сведения о происхождении и исторической судьбе народов Карельской земли; подробно рассматриваются археологические памятники каждого из регионов и их специфика; дается характеристика материальной культуры и оценивается уровень развития хозяйства.

В главах по территории летописной корелы (Северо-Западное Приладожье) и ареалу курганной культуры (Юго-Восточное Приладожье и Онежско-Ладожский водораздел) широко привлекаются данные разнообразных письменных источников (древнерусские летописи, берестяные грамоты, западноевропейские документы

и пр.), что, несомненно, является одной из наиболее сильных сторон данного научного исследования. В конце каждой главы проанализирована этнокультурная ситуация в изучаемых регионах в конкретные исторические периоды.

Материалы топонимики, данные летописей и берестяных грамот четко очерчивают границы проживания карелов — Карельский перешеек от северо-западных берегов Ладожского озера до северо-восточных берегов Финского залива. Именно данному региону посвящена наиболее объемная глава монографии (с. 14–75).

В лесной зоне Восточной Европы формирование многих народов, в том числе и прибалтийско-финских, уходит корнями в I тыс. н. э. Однако как самостоятельные объединения со своими особенностями в материальной культуре они выступают только в начале II тыс. н. э. Не является исключением и древняя корела. Дело в том, что археологические памятники I тыс. н. э. часто разнородны и порой мало информативны (часто они ограничиваются наборами оружия общих северо-европейских типов или отдельными случайными находками). Фактически яркая материальная культура карелов была выявлена на материалах погребальных памятников XII–XIV вв. Женский этнографический убор карелов нельзя спутать с набором украшений других финских народов (западных финнов, эстов, ливов и пр.). Типичны для древнекарельской культуры застёжки-сюкерё, плоские серебряные подковообразные фибулы с гравированным орнаментом, своеобразный набор нагрудных украшений, состоящий из овальных фибул, цепедержателей и целого комплекса подвесок, характерных именно для древнекарельской культуры, а также самобытные бронзовые аппликации из мелких бронзовых спиралек на тканях и т. д. Весь этот устойчивый набор украшений создает основу для выделения карельских элементов у других народов (в частности, и в древнерусской культуре) и для идентификации вновь открытых собственно карельских памятников.

С.И. Кочкуркина, касаясь характеристики древнекарельского костюма, справедливо отмечает, что при реконструкции одежды нельзя брать материалы разных погребений для создания обобщенного образа этнографического убора определенной этнической группы (с. 59). В частности, она приводит примеры по материалам могильников Карельского перешейка XIII–XIV вв., как “у представителей одного и того же этноса по разным причинам, в том числе и по возрастному признаку, наблюдаются различия и в наборе элементов одежды, и в цвете, и в составе украшений” (с. 59, 60). С данными выводами нельзя не согласиться. Наши исследования погребений XI–XII вв. в могильнике Залахтове на берегу Чудского озера, оставленного прибалтийско-финской группой населения,

показывают, что различия в составе, наборе и количестве металлических элементов убора прежде всего связаны не столько с социальным статусом погребенного, так как это была рядовая сельская община во главе со старейшинами, а с половозрастными характеристиками. Так, наиболее роскошное убранство принадлежало женщинам среднего возраста, т.е. полноправным хозяйкам, имевшим детей.

Тем не менее, при всех различиях в деталях, всегда выделяется устойчивый набор признаков, который и составляет основу материальной культуры отдельных групп населения. И это в полной мере подтверждает слова автора рецензируемой монографии, что “этносы представляют собой устойчивые комбинации различных элементов, по совокупности которых один этнос отличается от другого. Им присущи нестираемые различия и самобытность” (с. 13). В связи со значением элементов украшений в древности нельзя не вспомнить мнение известного нашего этнографа Н.И. Гаген-Торн. Украшения древним человеком рассматривались, прежде всего, “как знаки, помогающие определить положение человека и его принадлежность к определенной родовой группе”. “Если бы украшения создавались из стремления к красоте, — подчеркивала Н.И. Гаген-Торн — то в них с самого начала допускались бы индивидуальные различия, но нам точно известно, что индивидуальные узоры — очень поздняя вещь: вначале все члены группы обязаны были носить в орнаменте знаки своей группы” (Гаген-Торн, 1960. С. 3, 4). Одним словом, украшение и узор на нем в древности воспринимался как знак, отличающий своего от чужого, и как оберег от враждебных невидимых сил. Определенная индивидуальность у корелы, как и у других этнических групп, допустима между общинами отдаленных микрорегионов, но единая основа в орнаментации все равно сохранялась.

К периоду расцвета древнекарельской культуры на территории Северо-Западного Приладожья относятся 112 археологических объектов, в том числе 19 городищ и 2 открытых поселения. Долгое время материалы поселений не привлекали должного внимания, их исследования носили спорадический характер. Среди них наиболее изученными были сама крепость Корела и Тиверский городок. В последние десятилетия именно С.И. Кочкуркиной были предприняты крупномасштабные работы по выявлению и изучению городищ и поселений: вскрыты большие площади на городищах Тиверск, Куркиёки-Лопотти, Хямеенлахти, Соскуа, Терву и Паасо; составлена карта топонимов “линнавуори” и “линнамьяки”; обследованы городища-убежища. В результате был уточнен характер оборонительных сооружений, зафиксированы фундаменты жилых и производственных комплексов, сделаны

наблюдения над планировкой городищ, собрана богатая коллекция находок, характеризующая материальную культуру и хозяйственную деятельность их жителей. Эти материалы легли в основу монографии (Кочкуркина, 2010). В рецензируемой книге для подтверждения общей концепции автора приведены данные по наиболее значимым памятникам.

Глава заканчивается историческим очерком о судьбе карельского народа, начиная с XII до XV в. на фоне довольно бурных исторических событий. В силу географического положения корела, заселявшая территорию Северо-Западного Приладожья, была вовлечена в военно-политические отношения между Новгородским государством и Швецией. В то же время жители Карельской земли, подвластные Новгороду, не только участвовали в борьбе со шведами, которые вытесняли их с исконных территорий, но и активно принимали участие в междоусобных конфликтах, происходящих внутри самого Древнерусского государства, о чем свидетельствуют письменные источники. Исторически Карельская земля тесными культурными узами и экономическими интересами многие века была связана именно с Новгородом.

Одна из глав монографии посвящена проблеме формирования и развития так называемой курганной культуры Юго-Восточного Приладожья (с. 76–92). Данная тема входит в круг давних творческих интересов автора (Кочкуркина, 1973; Кочкуркина, Линеvский, 1985). Об этнической принадлежности населения Юго-Восточного Приладожья, оставившего курганные могильники, уже несколько десятилетий ведутся горячие споры. В настоящее время у исследователей нет сомнения, что феномен приладожской культуры связан с прибалтийско-финским населением. Об этом свидетельствует как специфичный характер погребального обряда, так и общая финская вуаль материальной культуры. На основе языковедческих и топонимических данных еще в середине XX в. курганы Юго-Восточного Приладожья рассматривались как памятники, оставленные летописной весью. Данная точка зрения и сейчас не потеряла актуальности.

Однако в свое время В.А. Назаренко было высказано мнение, что местная финская подоснова приладожской культуры, видимо, не была однородна. Он выделил два основных культурных региона: Восточное Приладожье (к востоку от Ладожского озера) и Южное Приладожье (бассейны рек Паши, Сяси, Тихвинки). Опираясь, прежде всего, на свои полевые исследования, Назаренко полагал, что памятники в Южном Приладожье сформировались на основе наземных квадратных деревоземляных сооружений, а в Восточном Приладожье – на основе грунтовых могильников с сожжениями (1979. С. 154, 155).

Могильники южного ареала В.А. Назаренко приписывает к условно названному им народу “приладожская чудь”. Курганы же восточного региона он определенно относит к “древнему финскому населению, на основе которого в XII–XIV вв. сложилась карельская народность и, в частности, одна из ее диалектных групп и ныне живущие здесь карелы-ливвики” (Назаренко, 1979. С. 156). Особое место в его построениях занимают памятники верховьев и среднего течения р. Ояти, а также в бассейне р. Капши, которые он рассматривает как периферийный ареал белозерских курганов (Назаренко, 1979. С.156). Несмотря на то что точка зрения Назаренко получила объективную критику (Кочкуркина, Линеvский, 1985. С. 172–176), в последней своей статье он продолжает развивать высказанные им ранее взгляды (2017. С. 275–288).

С.И. Кочкуркина, опираясь на всесторонний анализ археологического материала и сопутствующие источники, подводит итог дискуссии и высказывает мнение о специфике отдельных групп погребальных памятников, которые можно связать с определенными этническими образованиями. Признавая, что основная масса курганных древностей оставлена прибалтийско-финским населением, она пытается разрешить вопрос на уровне конкретизации отдельных территориальных этнических групп.

По мнению автора, курганы на р. Ояти можно считать весскими. Этому не противоречат и данные лингво-топонимических изысканий. С предками карелов-ливвиков Кочкуркина связывает курганы Олонецкого перешейка и некоторые памятники на р. Ояти. Вопрос о формировании и развитии культур карелов-ливвиков и карелов-людиков еще требует дополнительного изучения. На основе топонимических наложений карельских и вепских названий на территории Онежско-Ладожского перешейка можно предполагать, что, когда вепсы в своем освоении региона достигли р. Шуи, они преградили движение карелов, и “к востоку от вепского пути сформировалась людиковская территория с более сильным вепским компонентом, нежели на западе, ливвиковском ареале” (с. 75).

В главе, посвященной археологическим материалам бассейна Онежского озера и Белого моря в X – XI вв. (с. 93–98), С.И. Кочкуркина показывает, что эти территории были промысловой зоной для прибалтийско-финского населения, этнографические черты которого весьма расплывчаты. С уверенностью можно только говорить о наличии здесь древнесаамского следа.

Заключение представляет собой широкий экскурс в историю Карелии от эпохи раннего Средневековья до Нового времени (с. 99–105). Подчеркивается, что комплексное исследование всех возможных видов источников позволяет сформулировать важные

выводы относительно этнокультурной истории народов Карелии, проследить особенности хозяйственной деятельности древних карелов и их культурные контакты в течение несколько столетий. Особое внимание С.И. Кочкуркиной уделено результатам историко-археологического изучения Олонецкой крепости, центра русской государственности XVII в.

Работа сопровождается объемными Приложениями. В первом Приложении рассматривается техника изготовления и химический состав металла украшений из памятников Юго-Восточного Приладожья и бассейна Онежского озера (с. 117–138). Работа была проведена на кафедре археологии исторического факультета МГУ Н.В. Ениосовой с помощью неразрушающего рентгенофлуоресцентного метода. Для исследования было отобрано 26 находок и взято 46 проб. Интересны выводы, касающиеся изделий скандинавского происхождения. Среди исследованных фибул единственным качественным изделием, отлитым по восковой модели, была овальная фибула из погребения Шангеничи-лес-7, остальные фибулы являются продуктом массового производства, выполненными в технике копирования готовых изделий в глиняных формах. Однако, как полагает Н.В. Ениосова, на территории Приладожья копируемые изделия нельзя считать продуктом местных мастеров, так как такой способ тиражирования вещей был широко распространен и в самой Скандинавии (с. 133). Поступление скандинавских украшений в Приладожье проходило, очевидно, в основном через Ладогу, являющуюся главным торгово-ремесленным центром в данном регионе. Сейчас нам хорошо известно, что украшения североевропейского облика изготавливали на территории Восточной Европы. Это доказывают находки, сделанные в Гнёздово и на Рюриковом городище. Судя по находке клада инструментов ювелира и формочек для отливки слитков, в Ладоге также имелись свои ювелиры, которые могли делать подобные украшения. И, если ладожские мастерские обслуживали потребности ближайшего к ним местного населения, тогда понятно, почему в Приладожских курганах X – начала XI в. наблюдается определенная концентрация скандинавских украшений. Нельзя также забывать, что важным центром в Приладожье было Городище на р. Сяси, где также были встречены следы производственной деятельности.

Во втором Приложении, подготовленном В.И. Завьяловым в Лаборатории естественнонаучных методов ИА РАН, публикуются анализы археометаллографического исследования 19 ножей X–XII вв. из памятников бассейна Онежского озера (с. 139–145).

Третье Приложение содержит каталог погребальных памятников и случайных находок Карельского перешейка, исследованных финскими учеными, где учтено 121 местонахождение (с. 146–174), а четвертое – каталог из 187 пунктов всех известных памятников Карелии эпохи средневековья VI в., X – начала XI вв. Материалы раскопок и разведок довольно емко и конкретно описаны, в конце каталогов приложены ссылки на соответствующую литературу.

Таким образом, в каталогах исчерпывающе собраны сведения о всех археологических памятниках и случайных находках за более чем столетнее исследование Карельского перешейка. По сути, С.И. Кочкуркиной изданы первоначальные археологические источники, которые имеют ценность для всех исследователей, занимающихся финно-угорской археологией.

В трех последующих Приложениях собраны воедино отрывки текстов из письменных источников, касающиеся истории древних карелов, куда вошли сведения из древнерусских летописей, берестяных грамот и других русских документов, а также из западноевропейских рукописей. Кроме литературы к основному тексту и Приложениям С.И. Кочкуркина дала список своих трудов. Рукопись сопровождается разнообразным иллюстративным материалом, прекрасно дополняющим текст работы.

В заключение хочу отметить, что данная работа С.И. Кочкуркиной весьма актуальна. Она объединяет и синтезирует широкий круг источников по истории древних народов Карельского перешейка. Несомненно, исследование будет востребовано широким кругом специалистов как по истории финно-угорских народов, так и по истории Древней Руси и сопредельных государств.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Гаген-Торн Н.* Женская одежда народов Поволжья (материалы к этногенезу). Чебоксары. 1960.
- Кочкуркина С.И.* Юго-Восточное Приладожье в X–XIII вв. Л., 1973.
- Кочкуркина С.И.* Древнекарельские городища эпохи Средневековья. Петрозаводск. 2010.
- Кочкуркина С. И., Линевский А. М.* Курганы летописной веси. Петрозаводск. 1985.
- Назаренко В.А.* Об этнической принадлежности Приладожских курганов // Финно-угры и славяне. Доклады первого советско-финляндского симпозиума по вопросам археологии 15–17 ноября 1976 г. Л., 1979.
- Назаренко В.А.* Приладожская курганная культура, колбяти и все – все – все // *Ex Ungue Leonem*. Сборник статей к 90-летию Льва Самуиловича Клейна. СПб., 2017.